

РЕЦЕНЗІЇ

УДК 821. 161.1–1.09 «17-18»

О МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Попович А. В. Мифологические мотивы и образы в поэзии русского преромантизма / А. В. Попович. – Херсон : «Айлант», 2011. – 210 с.)

Проблемы изучения понятия «предромантизм», его смысловой наполненности, хронологических рамок продолжают оставаться актуальными в современном литературоведении. Известно, что термин «предромантизм» впервые ввёл в научный обиход профессор Сорбонны П. Ван Тигем в своей работе «Оссиан во Франции» (1917 г.). Однако, несмотря на то, что со времени появления данного термина прошло достаточно большое количество лет, учёные и сегодня по-разному подходят к его истолкованию, а дискуссии о предромантизме продолжают.

Судя по названию, структуре и содержанию книги А.В. Попович, в центре внимания её автора – рецепция мифа в русской предромантической поэзии. Однако анализируемая работа не случайно начинается с анализа актуальных вопросов, связанных с изучением русского предромантизма, в частности, с рассмотрения спорных моментов в понимании его художественной природы. Такой подход вполне оправдан. Благодаря ему знаковые мифологемы в поэзии русских предромантиков, являющиеся основным предметом исследования, анализируются в системе и в контексте переходной социокультурной ситуации конца XVIII – начала XIX века.

Рассматривая разные точки зрения на художественную природу предромантизма, А.В. Попович демонстрирует хорошую ориентацию в разноголосице мнений и подходов к осмыслению столь непростого явления. Следует заметить, что исследователи даже название термина пишут по-разному. В работах А.В. Архиповой, И.В. Вершинина, В.А. Западова, В.Н. Касаткиной, В.А. Лукова, В.Б. Мусий, А.Н. Пашкурова, А.И. Разживина, Н.А. Соловьёвой и других используется написание «предромантизм». Идя вслед за С. Козаком, опираясь на англоязычную традицию в использовании данного термина, молодая исследовательница использует кальку с английского – «преромантизм». Но суть разногласий, конечно же, не сводится к разным написаниям.

Пытаясь постичь феномен русского предромантизма, анализируя отечественные и зарубежные источники, А. В. Попович акцентирует внимание на его разных смысловых оттенках. Действительно, предромантизм – это и комплекс идейно-стилевых тенденций в западноевропейской литературе второй половины XVIII – начала XIX века, и своеобразный переходный этап от сентиментализма к романтизму. Последнее положение является концептуальным для автора монографии. Предромантизм, традиционно рассматривавшийся в комплексе проблем, связанных с изучением романтизма, представлен в работе, прежде всего, как переходное культурно-художественное явление, которому свойственны изменение концепции личности, картины мира, типа худо-

жественного сознания, полифоническое единство разных стилевых тенденций и т.д. В данном плане исследовательнице близка мысль В.М. Жирмунского, который рассматривал предромантизм как общеевропейское литературное явление переходного характера, объединяющее первые романтические тенденции в рамках Просвещения и просветительского классицизма (с. 17).

Исследуя проблемы изучения предромантизма в русской литературе, А.В. Попович выделяет отдельные этапы и направления в формировании концепции данного явления. Так, предромантизм рассматривается: 1) «как оппозиция или альтернатива Просвещению либо как художественно-эстетическое явление, коррелирующее с сентиментализмом; 2) как совокупность доромантических (мировоззренческих, эстетических стилистических) элементов, в полной мере реализовавшихся в романтизме» (с. 27). При этом акцент сделан на том, что для новейших исследований характерно стремление к интеграции существующих подходов.

Такую же взвешенность и концептуальность наблюдаем в решении дискуссионного вопроса о том, что лежит у истоков предромантической традиции в русской литературе: заимствование европейского опыта или существование в русской литературе исконных предромантических тенденций, предвосхищающих романтизм? Обе точки зрения имеют своих авторитетных поклонников. Однако и в данном случае, пытаясь избежать односторонности, автор монографии стремится к синтезу разных концепций, указывая, с одной стороны, на факты заимствования русскими писателями таких структурных компонентов, как оссианизм, масонство и, с другой стороны, на присутствие в русской литературе «встречных течений».

Монография А.В. Попович хорошо структурирована. Отдельные её главы посвящены ключевым мифологемам в поэзии русского предромантизма, в частности мифологемам Золотого века, Гения и Смерти. Следует отдать должное новаторскому подходу автора работы к избранной теме. Впервые в отечественном литературоведении (и не только в отечественном) так детально и скрупулёзно исследована специфика мифотворчества в поэзии русских предромантиков, разработана чёткая классификация разных моделей рецепции мифологической образности. Так, в монографии выделены такие структурно-семантические модели рецепции мифа, как аллегорико-эмблематическая, условно-поэтическая и мифотворческая (с. 36). Можно спорить с автором работы, утверждая, что мифотворческая модель является доминирующей и присутствует как в аллегорико-эмблематической, так и в условно-поэтической рецепции. Однако заявленная точка зрения имеет право на существование, тем более что она подкреплена конкретными примерами.

Поражает огромное количество авторов, поэзия которых стала основным объектом исследования в анализируемой монографии: В. Майков, И. Богданович, М. Херасков, М. Муравьев, Н. Львов, Г. Державин, И. Дмитриев, Н. Карамзин, С. Бобров, А. Бунина, М. Милонов, А. Востоков, Г. Каменев, А. Тургенев, А. Мерзляков, В. Жуковский, К. Батюшков, Н. Гнедич и другие.

Глава, посвящённая модификациям мифологема Золотого века в русской предромантической поэзии, начинается с экскурса в историю литературы, с определения характерных мотивов мифологема Золотого века, встречающихся в трудах Вергилия, Овидия, Гесиода. Исследовательница выделяет две линии в рецепции данной мифологема, а именно – её реализацию в одической и идиллической поэзии.

Жанр оды и мастера данного жанра в русской литературе традиционно ассоциируются с периодом классицизма. А.В. Попович справедливо указывает, что

вследствие ускоренных темпов культурного развития русский классицизм, начиная с конца 1750-х годов, испытывает влияние предромантических тенденций. В жанре оды появляются черты руссоизма, сентиментализма, масонского иррационализма. Мифологема Золотого века, с точки зрения исследовательницы, наиболее полно реализуется в жанре торжественной (пиндарической) оды, совмещается с «веком Петра – Екатерины» и, обслуживая имперский миф, трансформируется в идеологему (с. 50).

В работе детально анализируются оды М. Хераскова, В. Майкова, И. Богдановича и других предромантиков, посвящённые Екатерине II, отмечается сакрализация императрицы, воплощение в её образе архетипов Великой матери и культурного героя, который заботится о превращении государства в райский сад, о развитии наук и искусств, о защите отечества и т.д. При этом автор монографии подчёркивает разницу в художественном воплощении мифологемы Золотого века в одах В. Майкова, И. Богдановича и В. Хераскова, а также то, что их объединяет: масонская позиция, масонская концепция просвещённого монарха, соответствующая символика и аксиология, например, мотив всеобщего братства. Масонский дискурс в предромантической литературе исследован в современном литературоведении недостаточно полно, и хорошо, что А.В. Попович заполнила некоторые лакуны в его изучении.

Отдельный подраздел второй главы посвящён модификации мифологемы Золотого века в идиллической поэзии предромантиков. В частности, на примере стихотворений М. Муравьева «Сельская жизнь», «Итак, опять убежище готово...» исследовательница демонстрирует, как поэт развивает традиционные мотивы вечной весны, плодородия, изобилия, жизни на лоне природы, связанные с мифологемой Золотого века, и что нового привносит он в изображение идиллической жизни (мотивы родового гнезда, райского сада, патриархального быта).

В монографическом исследовании А.В. Попович прослеживается эволюция мифологемы Золотого века в русской предромантической поэзии. В частности, подчёркивается мысль о том, что в конце XVIII века данная мифологема подвергается трансформации и демифологизации, а в начале XIX века теряет актуальность. Эти процессы наглядно продемонстрированы на примере одических произведений Г. Державина и Н. Карамзина, в которых подчёркиваются не только богоподобность русского монарха, но и его человеческие качества.

Третья глава монографии – «Мифопоэтическая танатология русских поэтов рубежа XVIII-XIX веков» – посвящена анализу мифологемы Смерти в творчестве предромантиков. Заявленная в названии главы проблема также практически не изучена. Автор монографии справедливо указывает, что «табуированность темы в советском литературоведении обусловила отсутствие фундаментальных исследований феномена смерти, отдельные его аспекты затрагивались лишь в рамках анализа прозы и философской лирики...» (с. 105). Освещение столь сложного вопроса требует от исследователя знания мифологических источников, в частности античной, славянской, скандинавской мифологии, средневековой иконографии, а также фольклорных материалов. Такой широкий культурологический контекст в работе присутствует, и не только в данной главе.

Устойчивый интерес к теме смерти в поэзии предромантиков объясняется такой характерной особенностью предромантического поэтического сознания, как обострённое восприятие конечности мира и человеческого бытия (с. 113). В данной части работы прослеживается рецепция мифологемы Смерти в произведениях разных жанров: эпитафии, философской и духовной оды, стихотворения «на смерть...», медитации, элегии, послания, баллады, поэмы и др.

А.В. Попович рассматривает также разные способы персонификации и рецепции данной мифологемы в поэзии предромантиков. Например, в балладах В. Жуковского и Г. Каменева наблюдается персонификация смерти как жениха/невесты из потустороннего мира, а в произведениях М. Хераскова, Г. Державина, С. Боброва, Н. Гнедича, К. Батюшкова мифологическим аналогом данного образа являются Парки. Известно, что в античной мифологии Парки – богини судьбы, прядущие и прерывающие нить человеческой жизни. Осуществлённый исследовательницей анализ конкретных текстов подкрепляет её выводы о том, что в созданном поэтами персонифицированном образе смерти мифологическая образность сочетается с существующей эмблематической традицией.

В рецензии трудно исчерпать все исследовательские подходы к анализу ключевых мифологем в поэзии предромантиков. Так, в поле зрения А.В. Попович оказываются оппозиции жизнь и смерть, смерть и любовь, смерть и сон, смерть и дорога, танатическая эмблематика (увядший, сорванный цветок, погасший факел, погасшая звезда, метеор). Достаточно полно рассмотрены и пространственные модификации мифологемы Смерти в русской предромантической поэзии, включая образы Аида и его мрачных глубин (Тартара, Эреба), рек (Стикса, Ахеронта, Леты), а также Элизиума как обители праведников. Так, образ Элизия находит яркое воплощение в поэзии М. Муравьева, А. Востокова и особенно К. Батюшкова, в ранних стихотворениях которого данный образ трансформируется в символ потустороннего языческого рая. Исследовательница отмечает, что у многих поэтов, например, у Пушкина и Батюшкова, ад воспринимается вне категорий христианства – как условно-поэтический локус пребывания грешников.

В заключительной, четвёртой главе монографии анализируются модификации и жанрово-стилевые варианты мифологемы Гения в поэзии русского предромантизма. В данной части работы акцентируется мысль о том, что указанная мифологема постепенно превращается в философско-эстетическую идею. А.В. Попович выделяет разные модификации мифологемы Гения: гений как дух-хранитель человека, как посредник между человеком и Божеством, как творческий дар и как неординарная личность, достигшая совершенства в какой-либо области. Наиболее удачным примером рецепции данной мифологемы является поэзия В. Жуковского. Именно у Жуковского встречается известная поэтическая формула «гений чистой красоты» («Я Музу юную бывало...», «Лалла Рук»). Он для поэта – «даритель песнопений». Автор монографии справедливо указывает, что Жуковский в послании «К Батюшкову» и других стихотворениях создаёт эмблематический образ Гения. Под его пером данный образ становится символом творческого вдохновения.

К несомненным достоинствам рецензируемой монографии относится то, что её автор владеет материалом на высоком профессиональном уровне (и в теоретическом, и в историко-литературном аспектах), демонстрирует широкую эрудицию, в полной мере использует методiku системного анализа, а также контекстуального подхода к изучению сложного и недостаточно изученного периода в развитии русской поэзии. Конечно, такую сложную тему трудно исчерпать в одном исследовании. Поэзия русского предромантизма имеет перспективы дальнейшего изучения. Однако можно констатировать факт, что в лице А.В. Попович в украинской русистике появился её настоящий знаток и ценитель.

ВАЛЕНТИНА МАЦАПУРА,
доктор филологических наук, профессор

Одержано 7.02.2012 р.